

СОЛНЕЧНОЕ УТРО НА ПЛОЩАДИ

Т.П.

Еще вчера мое сырое тело
Взрывалось волновалось и хотело
Теперь оно как листик как листок
На поезде спешит на Белосток

Там сорок первый (Иль тридцать девятый?)
Там страхом все обложены как ватой
В коробке новогодние шары
Там живы все еще еще жары

Все обсуждают раннее явление
И на столбу читают объявление

«Явиться всем на площадь в шесть часов,
С собой иметь двенадцать штук часов,
С собой иметь двенадцать гончих псов,
С собой иметь заслонку и засов»

Все в городе молчат и говорят
На площади встречает их солдат
Во лбу сияет свастика горит
Во рту звезда и он не говорит

«Куда девать нам псов, засов, часы?
Колени наши влажны от росы
Горящих листьев полны наши рты
Зачем мы здесь солдат с тобой на ты?»

A SUNNY MORNING IN THE SQUARE

to T.P.

My half-baked flesh
stuffed with its own tricks
finds itself as a leaf
or a leaflet caught in the rush
of a train to Białystok.

Białystok stuck in 1941 (1939?).
Białystok padded in fright like a Christmas star
stored away in its box.
People still wake there
alive living ablaze.

They discuss an earlier event
and read an announcement:

"You are to appear in person on the square at six,
bring only your wrist watches, in the amount of twelve,
bring only your greyhounds, in the amount of twelve,
bring only one bolt and one hatch."

Białystok grows silent and speaks
stocked with soldiers in the amount of one,
between his brows a swastika shines,
in his mouth a star shuns speech.

"Where should we shovel our hounds, our watches, our hatch?
Our knees bleed dew,
our teeth rake burning leaves,
why, shiny soldier, are we so sweet with you?"

Солдат внушает им: здесь будет цирк
Вам чудеса предложит наш царек
Солдат вальяжно им: ох, будет крик
Historia навяжет вам урок

Прощенья/превращенья в семь часов
Раздастся лай и грохот гончих псов,
Уже к восьми свобода и отбой,
Когда умрешь, скажи. И я с тобой.

The soldier curses at them: we'll build a circus!
Our circus king will show you his tricks.
A star built of smoke and scream!
History crams a lesson down your throat.

Mercy me/Master me on the square at seven,
greyhounds bark, hatches shine, wristwatches bang,
by eight the square is ready for bedtime
and you crack like a glass Christmas star. Arrr arrr

ОСВЕНЦИМ, ЭКСКУРСИЯ ДЛЯ АМЕРИКАНСКИХ СТУДЕНТОВ

I

Подъезжая на микроавтобусе под польскую деревеньку О.
Удивляю себя—чего это, я не чувствую ничего.

Вроде душа моя развороченная бесчувственная десна,
Развлеченье дантиста, роденбаховский город сна.
Главное двигаться словно вода в канале—то есть не двигаться.
Лишь шевельнёшь рукой
—сумасшедшие тени вмешаются в твой покой.

Все эти Розы, Людвиги, пронумерованные для нас,
Чтобы мы их пересчитывали, пока поступает газ.

Пересчитывали впрочем косвенно: горшки, протезы, очки,
С красной каёмочкой, с чёрной каёмочкой волшебные
башмачки,

Чемоданы, волосики, пепел, провисшие облака,
Студентки фиолетовая от холода рука
Впивается в зонтик. Кукушка
В Биркенау—скажи, сколько лет ещё
Мне навещать нравоучительные бараки?
Холодно холодно горячо:
Жмурки цивилизованного сознания.

Ничего не чувствую кроме стыда
Сбрасывать пепел Marlboro
На пепел, произведённый здесь, пролитый сюда.

AUSCHWITZ-BIRKENAU, A GUIDED TOUR FOR AMERICAN STUDENTS

I

When the minibus nears the Polish village of Ausch.,
I feel numb. My pneuma, a
  cut open gum,
a game for a dentist, Rodenbach's drowsy Bruges.
Focus on moving the way water in channels moves—which
                        it doesn't. I stir—
and mad shadows disrupt my numbness.

All these Roses, Ludwigs, thoughtfully numbered for us,
to count, to recount through the gas.

The recount was roundabout: bowls, prosthetics, red-
framed glasses, fairy slippers laced black,

suitcases, hairs, ashes, sagging skies,
a hand of a female student purple from cold
clutches an umbrella. A cuckoo
of Birkenau, how many years more
will I visit educational barracks?
Cold, cold, cold, hot:
hide-and-peek of the civilized consciousness.

I am numb except for the shame
of brushing Marlboro ashes
on the ashes made here, shed here.

II

Вот этот камушек есть памятник ему.
Вот это облако окурок лютик пёс—
Всё, что с собой он взять не мог во тьму,
Хоть до последнего не жаловался нёс.

Вот это дерево сортир скамейка мак—
Весь мусор ужаса, отчаянья дерьмо,
Я, расфуфыренный, самодовольный маг,
Несу тебе—валяй, смотри кино

Вещей, которые резвятся, как во сне:
Подмигивает смятое пенсне,
Кастрюлька хрюкает, будильник правит ночь,
Корябает огрызок-карандаш:
Владелец наш, кормилец наш, поилец наш,
Тебе и рады бы помочь
— не знаем как.
Вот этот камушек тебя последний знак.
Не-восклицательный. Заноза. Зонтик. Злак.

II

This pebble here is a monument to someone.
So is a cloud a stub a poppy a dog—
Whatever no one can carry into the night,
carrying it, no one complained.

This tree here WC buttercup bench—
the garbage of horror, despair's filth,
vain, adorned, and duende'd, I
carry to You—watch this film

of things, whirling as in a dream:
a battered pince-nez winks,
a cooking pot snorts like a pig, an alarm clock squares the night,
a gnawed pencil scrapes:
Our Master, daily feeder and quencher,
here we are, glad to help—
but how?
This pebble here is the last sign of you.
A point. Of no exclamation. Splinter. Spike. Grain.

КНИЖКИ С КАРТИНКАМИ

Они пытали их обоих.
Какого цвета на обоях
Они оставили следы?
Конечно только золотые,
Конечно только голубые,
Горения слюны слюды.
Смотри ж на дивные оттенки:
Они остались на застенки,
Сюда идём мы как в музей.
Что видим мы в музее этом?
Вот видим: стрекозиным летом
Блуждает череда друзей,
Хармс сторонится Шварц хохочет,
Олейников его не хочет,
Знать, он лежать у речки хочет
И жабу палочкой крушить.
Их путь ещё не кончен, — начат,
И все они уже да значат
Поэзию и крутят нить.
Сквозь стрекозу, сквозь паутину,
Смотрю на жаркую картину
И вижу их живыми не.
Один во льду, другой на дыбе,
Введенский плавает на рыбе,
Мерцает Вагинов на дне.

CHILDREN'S LITERATURE

Both were tortured.
What color traces
did they leave on the wallpaper?
I bet you golden
I bet you blue
Burns of crystal, drool.
Observe droll colors
preserved in the confines.
We come here to a museum.
What do we see in this museum?
We see: a trail of fellows
who dragonfly on summer days.
Kharms shies away Shvartz ha-has
to Shvartz Oleinikov prefers
to slug by a stream
poking a toad to death.
Their journey has just begun,
not ended, they stand
for poetry and weave their thread.
Through web, through a dragonfly's wing,
I watch a blistering scene
and see them living not:
One in the ice, another on the rack,
poet Vvedensky floats atop a pike,
poet Vaginov twinkles on the river's bed.